

В. ДЁННИНГХАУС

«ЧТО РУССКОМУ ХОРОШО, ТО НЕМЦУ – СМЕРТЬ?»: ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И АГРАРНАЯ РЕФОРМА В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ (1900–1914)

«Куда бы немцы ни уходили – в Америку, Африку, Австралию, на Сандвичевы острова, – повсюду... они распространяли культуру, просвещение и не удавалось им это в одной лишь России, которая, сжав их в свои железные тиски, превратила в нищую, невежественную массу...» (12).

Сложившиеся в научной и мемуарной литературе представления о немецких колонистах в России не всегда соответствуют действительности. Особенно это касается немцев Поволжья. Образ зажиточного, трудолюбивого, дисциплинированного немца, живущего в огромной усадьбе, выгодно отличается от образа бедного, ленивого, расхлябанного русского крестьянина в старой избе. Такие описания, до сих пор встречающиеся в литературе, представляют собой клише, весьма далекие от реальности. Не последнюю роль в появлении подобных стереотипов играют ошибочные представления о развитии земельных отношений в колониях, об аграрной культуре переселенцев, их взглядах на нововведения в сельском хозяйстве и т.п. (см. более подробно: 33; 34).

Немецкие переселенцы в России не были однородной массой; они различались не только по вероисповеданию, регионам, из которых переселились в Россию, местам их нового проживания, но и по условиям существования – форме наследования земли, типу землепользования. Все эти различия определяли образ жизни колонистов, их материальный и культурный уровень.

В этой статье сделана попытка рассмотреть роль землепользования и земельных отношений поволжских немцев накануне и в годы революции 1905–1907 гг., проанализировать ход столыпинской аграрной реформы в немецкой деревне. Речь идет об исследовании специфической группы российского крестьянства – так называемых колонистов – на фоне кардинальных политических и экономических изменений. Главные вопросы иссле-

дования состоят в том, насколько специфическим был ответ колонистов на вызовы консервативной российской модернизации (в первую очередь в сравнении с окружавшим их русским населением); какие факторы на него повлияли; в какой степени выбор, сделанный поволжскими немцами, был вынужденным, а в какой – добровольным.

«Русский мир» у немецких колонистов

На основании Закона о единонаследии (Указ императрицы Екатерины II о распорядке в колониях 1764 г.) хозяйство после смерти колониста, со всеми правами и обязанностями, наследовал только младший сын. Старшие сыновья должны были заниматься ремеслом или торговлей, т. е. деятельностью, не связанной с земледелием. Этот порядок наследования имел место в Голландии, в ряде местностей Северной Германии и Франции (Бретань), где привел к хозяйственному расцвету на основе тесного взаимодействия фермерского сельского хозяйства и мануфактурной промышленности. Яркий пример влияния закона на жизнь немецких колонистов дают меннонитские колонии юга Украины, где система единонаследия была полностью сохранена. Этому процессу в южных колониях сопутствовало прежде всего то, что меннониты, являясь выходцами из Голландии и Северо-Западной Германии, издавна придерживались такой формы наследования земли. Для меннонитских колоний Новороссии было привычным явлением, когда только один из сыновей получал все 65-десятинное хозяйство, хотя при этом в колониях скапливалась большая группа безземельной молодежи (10, с. 139–140).

В колониях Поволжья вопрос о наследовании земли решался по-другому. Хотя закон о единонаследии первоначально распространялся и на поволжских колонистов, у них эта система не прижилась. Необходимые географические и социально-экономические предпосылки для интенсивного сельского хозяйства здесь отсутствовали. Засушливая степь была непригодна для развития молочно-сырного производства, города – слабо развиты и малочисленны. Изделия немецких ремесленников не могли конкурировать с более дешевыми товарами русских мастеров. Следуя предписанной системе наследования, подраставшие сыновья колонистов оказывались и без земли, и без работы. Запасы земли в колониях быстро закончились, молодежь не могла найти себе применения. Кроме того, колонисты Поволжья, выходцы из Юго-Западной Германии, не знали «голландских» правил наследования и не признавали их. Закон о единонаследии не нашел поддержки и среди колониальной администрации (10, с. 141).

Управлявший поволжскими колониями в 1783–1796 гг. И. Огарев предложил колонистам принять русскую передельную общину вместе с присущей ей круговой порукой. Это предложение колонистами было при-

нято. Таким образом, в Поволжье возникла настоящая русская община, или «мир», как ее называли и немцы. Старшие сыновья колонистов при этом, соответственно, получали земельные участки; все были обеспечены землей поровну. С ростом числа новых семей земли становились все меньше, и со временем колонисты были вынуждены все чаще ее арендовать. Большинство обедневших поволжских немцев владело небольшими и удаленными от сел наделами. Существование в Поволжье передельной общины не допускало накопления земли и капитала в руках богатого колониста и тормозило развитие свободного фермерского хозяйства. Следует отметить, что системы земледелия, сложившиеся в «материнских» колониях Поволжья и Причерноморья, были полностью перенесены и в «дочерние» колонии (10, с. 141).

Если к середине XIX в. на правом берегу Волги проживало около 95 тыс. колонистов, то, по переписи 1897 г., их численность достигла более 160 тыс. человек¹. Одновременно выросло и количество немецких семейств, что объяснялось не только общим приростом населения, но и раздроблением старых, «многолюдных» семей. Следствием этого явилось обнищание и части колонистов (за счет уменьшения в каждой семье рабочих рук, скота и инвентаря), и немецких колоний в целом². Оценивая положение немцев в Камышинском уезде Саратовской губернии в январе 1900 г., начальник 5-го участка Лавров констатировал: «Я, со своей стороны, никаких особенных отличий у них от русского населения указать не могу; так, условия землевладения и землепользования у тех и других положительно одни и те же: то же общинное владение землей, так же отжившая свой век трехпольная система, так же не удобряются поля и, наконец, те же хлеба возделываются»³.

Вследствие недостатка пахотных площадей для нормального существования и содержания семей колонисты, как и русские крестьяне, были вынуждены прибегать к регулярной аренде помещичьих земель. Это несколько смягчало остроту земельной проблемы, но не решало ее (см.: 32, с. 119). Так, например, только благодаря аренде существовали, точнее говоря выживали, немецкие поселенцы Ягодно-Полянской волости Камышинского уезда, где к началу XX столетия на число «наличных по развер-

¹ После отделения Заволжья в 1850 г. на территории Саратовской губернии остались лишь правобережные немецкие колонии. Немецкие поселения на левом берегу Волги отошли к Самарской губернии, где, по переписи 1897 г., проживало уже более 215 тыс. немецких поселян (см.: 2, с. 210; 32, с. 12).

² См.: ГАСО [Государственный архив Саратовской области]. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10721 [Докладная записка земского начальника 5-го участка Камышинского уезда в Саратовское губернское присутствие 9 января 1900 г.]. – Л. 3(а) об. См. также: 21, с. 66–67.

³ Там же. – Л. 31 об.

стке душ» приходилось менее одной десятой пахотной земли¹. Причем, эта незначительная площадь совершенно не засеивалась пшеницей, а лишь картофелем, подсолнухами и рожью². Резкий рост цен за долгосрочную аренду земли и частые неурожаи привели к большим задолженностям среди населения Саратовской губернии, включая и немецких поселенцев. Многие колонисты были уже не в состоянии оплачивать землю на условиях аренды, что вынуждало их сеять «исполу», т.е. отдавая половину урожая владельцу земельного участка.

Проблема малоземелья вынудила, к примеру, колонистов Сосновской волости Камышинского уезда прибегнуть к побочному заработку – сарпиночному производству (14, с. 276–277)³. Причем, поселяне, всецело посвятившие себя ткачеству сарпинки (45% всех семей) (32, с. 157), сдавали душевые земельные наделы в аренду своим же нуждающимся землякам на весьма невыгодных для последних условиях «испольщины» (32, с. 123). Таким образом, наряду с обогащением одной части колонистского населения, другая постепенно скатывалась к нищете. В то же время исключить пользование надельной землей колонистов-ремесленников, остававшихся членами общин, не представлялось возможным⁴.

Рост малоземелья и необходимость поиска заработков на стороне вели к оттоку беднейшей части немецких колонистов, как и их русских соседей, в большие города – прежде всего в Саратов, Самару, Астрахань, Баку. Это нарушало сложившиеся патриархальные порядки, приводя к определенной «нравственной деморализации» этих членов общины⁵. Земский начальник 1-го участка Камышинского уезда, наблюдая такую тенденцию в «богатой» Сосновской волости, отмечал: «Эти городские рабочие, в особенности бакинские, возвращаясь назад, совершенно деморализуют местное население. С грустью должен установить факт, что прежний высоконравственный и строго честный строй поселян стал сильно изменяться; появились семьи, где дети совершенно выбрасывают из семьи родителей, нравственность молодого поколения значительно расшаталась...»⁶.

¹ В ряде документов встречается цифра еще меньше – 28,5 квадратных сажень на одну душу мужского пола (одна сажень составляет 2,13 метра).

² Именно пшеница являлась основным объектом сельскохозяйственной деятельности поволжских колонистов в предвоенные годы, занимая обычно около 45% посевных площадей (см.: 32, с. 83–84, 88; см. также: ГАСО. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1510 [Общий обзор о положении землеустроительного дела в Саратовской губернии 1 января 1915 г.]. – Л. 20).

³ См. также: ГАСО. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1510. – Л. 120 об.–121.

⁴ ГАСО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 10721 [Докладная записка земского начальника 1-го участка Камышинского уезда в Саратовское губернское присутствие 17 декабря 1899 г.]. – Л. 9 об.

⁵ Там же. – Л. 25.

⁶ Там же. – Л. 9 об., 25.

Одним из последствий разорения поволжской деревни стало большое количество нищих в городских и сельских центрах Поволжья. Причем среди нищих все чаще встречались немцы, традиционно считавшиеся крепкими хозяевами (см.: 22, ч. 2, с. 27; ср.: 32, с. 79–80)¹. Постоянный недостаток средств неизменно отражался и на состоянии их здоровья. Показательно, что в немецких селениях в начале XX в. была чрезвычайно распространена трахома – глазная болезнь, неизменный спутник антисанитарных условий проживания и нищеты (17).

Монархисты, либералы или революционеры?

Голод 1901–1902 гг., частичные недороды в 1903 и 1905 гг., русско-японская война, лишившая крестьянство значительного количества необходимой в хозяйстве рабочей силы, вызвавшая дополнительные налоги и общий рост обнищания, резко ускорили развитие революционных настроений в Поволжье (см.: 22, ч. 2, с. 191–195). «Главных бедствий у нас, в крестьянской жизни, два, – зафиксировала резолюция крестьян Саратовской губернии в августе 1905 г., – первое бедствие это – малоземелье, второе – наше бесправие... И год от году становится все хуже и труднее, а деться некуда...» (цит. по: 1, с. 152). К лету 1905 г. брожение наблюдалось и в большинстве немецких колоний, также недовольных непопулярной войной в далекой Маньчжурии, мобилизациями, реквизициями повозок и лошадей и непомерными податями (32, с. 194–195).

В период первой революции крестьянское движение в Саратовском Поволжье значительно превысило по своему размаху средний общероссийский уровень. В деревне произошло свыше 1400 выступлений; основную массу участников движения составили бывшие помещичьи крестьяне. В уездах с преобладанием бывших государственных крестьян и немецко-колонистов крестьянское движение оказалось незначительным (см.: 22, ч. 2, с. 205; ср.: 6, с. 231; 9, с. 98; 37, с. 129). Попытка решения проблемы малоземелья в немецких селениях, несмотря на всю ее остроту, в отличие от соседних русских деревень, не шла дальше жарких дискуссий между бедными и богатыми поселянами, в крайнем случае выливаясь в мелкие потасовки и драки (см.: 19, с. 84; 38, с. 21). «Невозможное творится у нас в стране, – жаловался бывший староста колонии Таловка, – все разбилось на партии, идущие друг против друга. Мы, немцы-колонисты, до сих пор воздерживались от принятия участия в каких-либо партиях. У нас нет земли, нет порядка, а явись мы со своими требованиями, нас забудут, скажут: “Бунтовать вздумали, хотите заводить у нас свои немецкие порядки”».

¹ Аналогичная ситуация имела места и в Самарской губернии (см.: 40, с. 22).

И признают нас изменниками и казачьими полчищами сотрут с лица земли...» (11; 13).

Положение поволжских и причерноморских колонистов настолько различалось в материальном плане, что революция 1905 г. фактически развела их по разные стороны политических баррикад. Бедственное положение поволжских колоний, их общее неустройство и «невежество» большей части ее обитателей резко контрастировали с положением «богато наделенных землею» немцев южных регионов России (см.: 32, с. 129; ср.: 27). Не случайно южнорусские колонисты поддерживали буржуазные партии правого толка, прежде всего «Союз 17 октября» (26, с. 106–107). Это было невозможно для немцев Поволжья. «Удивительное дело, – отмечали поволжские колонисты, – мы с голоду умираем от безземелья, а нам советуют соединиться с балтийскими немцами – баронами, закрепостившими на своих землях латышей и эстонцев. Мы ждем нарезки земли для собственного пропитания, ждем освобождения от произвола бюрократии, скрывающейся за спиной монарха, а нам говорят: соединитесь, поддержите единство государства и укрепление монархии...» (30, с. 269–270; 32, с. 62).

Поволжские немцы поддержали российских либералов – кадетов, чья политическая программа достаточно точно отражала их чаяния (см.: 22, ч. 2, с. 240–241; 24, с. 290–292; 32, с. 199). Самого большого успеха эта «коалиция» – немецкие колонисты Поволжья и кадеты – достигла на сельском выборном съезде Камышинского уезда, где представителями поселян на губернский съезд были избраны исключительно члены кадетской партии (см.: 32, с. 208; см. также: 8). Затем все сельские делегаты-немцы, прибывшие на съезд Саратовской губернии, примкнули к «Трудовой группе»; крестьян привлекала приверженность трудовиков радикальной земельной реформе¹.

Хотя массовых выступлений немцев Поволжья в период первой революции не случилось, падение в их среде авторитета правительственной власти привело к нескоординированным, «распыленным» актам открытого неповиновения и протеста в колониях, направленным, в первую очередь, против выплаты пошлин и всевластия полицейских чиновников (см.: 3; 32, с. 198; 39, с. 301). Революционные настроения в колониях охватили в основном учителей, учащихся и студентов. Интересно, что социал-демократические деятели, как правило, уклонялись от пропаганды в немецких поселениях, сконцентрировав основные усилия на работе в русскоязычных деревнях.

¹ «Трудовая группа» представляла радикальную часть крестьян и отстаивала экспроприацию земель без компенсации ее владельцам.

В целом поволжские немцы остались почти незатронутыми революционными волнениями 1905 г.; не вступали, как правило, в открытый конфликт с властями. Даже на самом пике первой революции немецкие поселяне выступали лишь за кардинальные реформы местной власти, требуя предоставления самоуправления. Идеи политической автономии, конституционной монархии, организации национальных земств и партий среди поволжских немцев своих сторонников практически не нашли.

Аграрная революция в немецкой деревне

Столыпинскую аграрную реформу немцы встретили настороженно. Процесс купли-продажи земли нес в себе угрозу существованию не только общины, но и самой этнической целостности немецких поселений. Опасение, что в результате реформы в колонии могут вторгнуться «чужие», деформируя социально-этнические устои сложившегося общества, вынуждало часть немцев не только занять выжидательную позицию, но и противиться нововведениям (см.: 32, с. 133–134).

Вместе с тем в немецких колониях Поволжья не произошло раскола на два враждебных лагеря – «хуторян», с одной стороны, и общинников – с другой, как это было в русских селениях, где шла настоящая перманентная война (7, с. 24). В отличие от русских крестьян, бойкотировавших избрание своих кандидатов в землеустроительные комиссии и не являвшихся на сельские сходы, немецкие поселяне демонстрировали лояльность властям: среди 30% волостных сходов, не принявших участие в выборах, не оказалось ни одной немецкой волости (см.: 5, с. 221)¹.

Известно, что в целом по России самый значительный выход крестьян из общины пришелся на первые годы аграрной реформы. Эта тенденция характерна и для русских селений Саратовской губернии, где в 1906–1909 гг. было отмечено более 50% всех выделов (см.: 7, с. 15). Уже в 1909 г. фиксировались случаи возвращения выделенцев к общинному землепользованию, а к началу 1910 г. численность желающих покинуть общину резко снизилась. На вопрос о том, чем вызвано такое решение, крестьяне, как правило, отвечали: «Жить тяжело. “Мир” злобится на нас за то, что выделились...» (цит. по: 7, с. 21; см. также: 15, с. 25–31). К 1912 г. более или менее интенсивный выход крестьян Саратовской губернии из общины практически закончился. Если в 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность и покинули общину более 87 тыс. домохозяев (90% от всех выходов), то за все остальные годы проведения реформы число выделенцев едва достигло 10 тыс. (22, ч. 2, с. 94). В общей сложности в Саратов-

¹ Ср.: ГАСО. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 7 [Список волостей Саратовской губернии, принявших участие в выборах кандидатов в члены уездных землеустроительных комиссий на 1906/1907 гг.]. – Л. 5, 12–13.

ской губернии за 1906–1912 гг. укрепили землю в частную собственность около 25% всех крестьянских дворов (по России – только 17%) (7, с. 21; см. также: 4, с. 591–592).

Немецкие поселяне, напротив, на начальном этапе аграрных преобразований весьма инертно отнеслись к выходу из общины (см.: 5, с. 221–222; 32, с. 134–136; 39, с. 352–353). Большинство сельских обществ противилось переменам, предпочитая новому аграрному порядку традиционные переделы земли; численность немцев-выделенцев была минимальной. С момента введения указа 9 ноября 1906 г. и вплоть до 1910 г. лишь несколько немецких селений рискнули полностью перейти к частному владению землей. При этом не приняли решения выйти на отруба, что естественно сохраняло традиционную чересполосицу (5, с. 221–222). К 1910 г. только в шести из 57 немецких колоний на общинных сходах удалось набрать две трети голосов, необходимых для перехода к частной земельной собственности (см.: 32, с. 134–135).

Перелом в психологии поселян-собственников наступил лишь в 1910 г. После утвержденного Государственной думой закона от 14 июня начался массовый отток немецкого населения на отруба, нередко целыми селениями¹. Результаты разрушения немецкой общины Саратовского Поволжья весьма показательны. За время реформы только в Камышинском уезде общину покинули около 15,5 тыс. немецких домохозяев, что составило 71% от их общей численности. При этом около 11 тыс. из них (69,4%) вышли на отрубное и хуторское хозяйствование. В общей сложности община полностью прекратила свое существование в 32 из 51 колонии Камышинского уезда (см.: 5, с. 223)².

Для того чтобы вырваться из теплых объятий «мира» на хутора или отруба, необходимы были не только решительность и сила характера, но и капитал, достаточный для обзаведения хозяйством на новом месте. По заключению экспертов, создание индивидуального хозяйства на выделенном участке земли требовало немалых вложений – от 300 до 800 руб. (см.: 7, с. 10–11). Между тем наряду с обеспеченными хозяевами из общины массово выходила и деревенская беднота, воспользовавшаяся правом избавиться от надельных земель, чтобы уехать в город, переселиться в Сибирь

¹ Нужно учитывать, что Правила от 19 июня 1910 г. прямо предписывали землеустроительным комиссиям отдавать предпочтение разверстанию целых селений, а одиночными выделами заниматься в последнюю очередь (см.: 4, с. 591–592; 39, с. 352–355).

² См. также: ГАСО. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 1506 [Расширенный список населенных пунктов Саратовской губернии на 1914 г.]. – Л. 242 об.–243. (Ср.: Там же. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 8057 [Сведения об укреплении земли в личную собственность в Саратовской губернии со времени издания указа от 9 ноября 1906 г. по 1 сентября 1915 г.]. – Л. 1 об.–2; 19, с. 90; 28, с. 443.) Необходимо учитывать и то обстоятельство, что оставшиеся члены общины увеличивали свои наделы в основном за счет тех поселенцев, которые переселялись на кулевные отруба.

или податься в эмиграцию¹. По различным подсчетам, около 24% выделенцев Саратовской губернии сразу продали свои участки (см.: 22, ч. 2, с. 95; ср.: 4, с. 592–592). Не были исключением и немецкие колонисты. Один из корреспондентов, описывая ситуацию в Камышинском уезде весной 1910 г., с горечью отмечал: «Верхняя Добринка, волею судеб посаженная чуть ли не в центре немецких колоний, круглый год, а в особенности в великие праздники, осажается немцами-нищими. Как в обыкновенное время, так особенно в праздники..., немцы-нищие во множестве шатаются по дворам и выпрашивают милостыню или же наполняют церковную ограду и здесь собирают подаяния...» (18).

Землевладение и эмиграция

Важным фактом и фактором жизни немецких колонистов на рубеже XIX–XX вв. была эмиграция. Только за период с 1900 по 1909 г. из Саратовского Поволжья эмигрировали более 20 тыс. немцев: свыше 17,5 тыс. из Камышинского и более 3 тыс. из Аткарского и Саратовского уездов². Основная часть эмигрантов направлялась в Северную Америку (США, Канаду, Мексику); лишь небольшая оседала в Южной Америке (Аргентине, Бразилии, Парагвае)³. Среди основных причин эмиграции можно назвать тяжелое экономическое положение (как следствие малоземелья и катастрофических неурожаев), отсутствие регулярных заработков и постоянный рост безработицы. Власти Усть-Кулалинской волости Камышинского уезда, например, так объясняли в декабре 1900 г. причины ежегодного оттока немецкого населения в страны Нового Света: «...Местное население имеет недостаток в пахотной земле, за последние годы впало в бедность, кругом задолжено и не имеет добросовестно оплачиваемых заработков..., а в Америке – труды земледельца оплачиваются хорошо и он может иметь там постоянно одинаково хорошие заработки»⁴.

Своеобразный пик эмиграционного движения в России вообще (см.: 16, с. 331–332, 334) и в Поволжье в частности пришелся на период первой

¹ См., к примеру: ГАСО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 6989 [Докладная записка земского начальника 9-го участка Камышинского уезда саратовскому губернатору от 11 июня 1913 г.] – Л. 89–89 об.; Там же [Докладная записка земского начальника 6-го участка Саратовского уезда саратовскому губернатору от 19 июня 1913 г.] – Л. 115–115 об. См. также: 32, с. 128, 136; 36, с. 43; 41, с. 5; 35, с. 43; РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 112 [Показания коллежского секретаря П. И. Плеханова 21 января 1916 г.] – Л. 22 об.–23.

² См.: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Циркуляр Саратовского губернатора в отдел Торгового мореплавания 29 мая 1910 г.] – Л. 118–118 об.

³ Первый поток немецких эмигрантов из Нижнего Поволжья в Бразилию и Аргентину был отмечен в 1876 г. (см.: 22, ч. 1, с. 174; 31, с. 176).

⁴ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 6128 [Докладная записка земского начальника 7-го участка Камышинского уезда саратовскому губернатору 16 декабря 1900 г.] – Л. 18 об.

революции. С одной стороны, это был побег из страны с подорванной массовыми выступлениями экономикой, в которой революция послужила дополнительным катализатором коренного изменения традиционного образа жизни. С другой – эмиграция представляла собой своеобразный способ выражения протеста и недоверия политике царского режима некоторыми национальными группами (евреями, немцами, поляками и т.д.), а также демонстрировала их полное неверие в результативность каких-либо реформ в России¹. Заметим, что эмиграционное движение, включая кратковременный выезд на заработки, затронуло не только исключительно земледельческие колонии, жителей которых на переселение толкал земельный «голод» и низкое качество наделных участков, но и регионы, где немало поселенцев существовало за счет кустарно-ремесленного производства².

Местные власти видели в эмиграции скорее пользу: она не наносила ущерба интересам местного населения – не вела к недостатку в наемной рабочей силе и не вносила «расстройств» в крестьянское хозяйство. Скорее наоборот, «остающиеся на родине, пользуясь земельными наделами отъезжающих за недорогое вознаграждение, поправляли свои хозяйства»³. Эмиграционное движение способствовало разделению больших немецких семейств, ослабляя тем самым катастрофические последствия роста населения в немецких колониях⁴. Местные власти утверждали, что немецкое население с «большой симпатией» относится к эмиграции целых семей, предполагая, что отъезжавшие оставят свою землю в пользу общины⁵.

Это не противоречило действительности. Отношение к эмигрантам в бывших немецких колониях было в целом терпимое: при общинном владении землей остающиеся односельчане получали существенную выгоду, пользуясь наделными участками эмигрантов за сравнительно низкую

¹ Так, например, на рост эмиграции малоземельных поселян непосредственно повлияла политика дискриминации со стороны руководства Крестьянского поземельного банка, отказавшегося предоставить им кредиты наравне с русскими крестьянами. Она ярче всего проявилась в период аграрных реформ и похоронила все иллюзии колонистов относительно возможности приобретения дополнительной земли с правительственной помощью (см.: 32, с. 128).

² ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции по 1-му земскому участку Камышинского уезда, б/д]. – Л. 57.

³ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Докладная записка земского начальника 4-го участка Камышинского уезда саратовскому губернатору 17 мая 1910 г.]. – Л. 6–6 об.

⁴ См., к примеру: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции населения за границу по 5-му участку Камышинского уезда Саратовской губернии 25 марта 1910 г.]. – Л. 120 об.

⁵ См.: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции населения за границу по Усть-Кулалинской волости Камышинского уезда, б/д]. – Л. 66.

плату¹. Однако «симпатия» поволжских поселян к отъезжавшим сохранялась лишь до начала столыпинских аграрных преобразований. После издания указа 9 ноября 1906 г. у выезжавших за рубеж колонистов появилась возможность продать свои земельные наделы, что нередко приводило к конфронтации с однообщинниками².

Показательно, что после выхода указа в немецких селениях Поволжья усилилась тенденция к реэмиграции. Волостные органы Саратовской губернии отмечали случаи возвращения эмигрантов, желавших «посмотреть на открывающиеся новые условия владения землей в России и решить, что дальше делать»³. Но это желание не было единственным двигателем реэмиграции. «Возвращенцы» не хотели потерять свое право на владение наделными землями. Во время первой революции в немецких колониях получила хождение идея лишения земельных наделов всех эмигрировавших или выехавших на заработки односельчан. Она находила поддержку у российских властей⁴. Это объяснимо: подобная «экспроприация» позволяла снизить земельный голод в колониях без каких-либо кардинальных мер со стороны государства.

«Не предвидя в ближайшем будущем введения интенсивной системы хозяйства при общинном владении землей, некультурности массы немецкого населения, его национальной замкнутости и приверженности к старине, надо ожидать и желать дальнейшего развития эмиграционного движения в интересах как самих эмигрантов, так и всего населения», – прогнозировали уездные власти Камышинского уезда в 1910 г., в самый разгар коренных преобразований в российской деревне⁵. Они оказались правы: эмиграционное движение среди немецких поселенцев, включая краткосрочные выезды на заработки, не прекращалось весь предвоенный

¹ См., к примеру: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Рапорт исправника Камышинского уезда саратовскому губернатору 7 мая 1910 г.]. – Л. 11 об. См. также: 32, с. 31, 122–123.

² См.: ГАСО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 4598 [Жалоба поселян села Семеновка Камышинского уезда в Саратовское губернское присутствие 21 апреля 1908 г.]. – Л. 2–3 об. Ср.: Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции населения за границу по Усть-Кулайинской волости Камышинского уезда, б/д]. – Л. 66.

³ ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Докладная записка земского начальника 8-го участка Камышинского уезда (Котовская, Гусельская и Илавлинская волости) саратовскому губернатору 13 апреля 1910 г.]. – Л. 73 об.

⁴ См.: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции населения за границу по 8-му участку Камышинского уезда (Котовская, Гусельская и Илавлинская волости) 13 апреля 1910 г.]. – Л. 73 об.; РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 112 [Показание коллежского секретаря П.И. Плеханова 21 января 1916 г.]. – Л. 22 об. См. также: 5, с. 223; 20, с. 138.

⁵ См.: ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 8473 [Сведения об эмиграции населения за границу по 5-му участку Камышинского уезда Саратовской губернии 25 марта 1910 г.]. – Л. 120 об. Ср.: Там же [Сведения об эмиграционном движении рабочих по Аткарскому уезду, б/д]. – Л. 37.

период. Очень активным оно было в последние предвоенные (1912–1914) годы (см.: 16, с. 331–332, 334).

Впечатляющий рост эмиграции из немецких поселений с общинной системой землевладения – своего рода «голосование ногами» против общины, свидетельствовавшее об отсутствии у этой части поселян страха разрыва с ней. В момент ломки общинной системы это было, в общем, естественно. Однако наряду с этим возросло число эмигрантов из немецких селений, уже разделенных на отруба. Так, например, немецкие волости Камышинского уезда с отрубной системой хозяйствования за период 1910–1913 гг. дали 260 явных (официально заявивших о своей эмиграции) поселенцев и 4654 (!) «скрытых» (не вернувшихся с заработков) эмигранта (см.: 5, с. 226).

Эмиграционную волну российских немцев смогла остановить лишь Первая мировая война – точнее, закрытие государственных границ сразу после ее начала (см.: 16, с. 331–332, 334). По различным данным, с 1874 по 1914 г. за океан переселилось около 100 тыс. поволжских колонистов (см.: 22, ч. 1, с. 174; ср.: 29, с. 87; 31, с. 176).

Итоги

Аграрное перенаселение и как следствие этого малоземелье становятся к началу XX в. важнейшими факторами, влиявшими на социально-экономическое развитие как русской, так и немецкой деревни. Развитие товарно-денежных отношений, появление безработицы, рост отходничества и возможность переселения в новые регионы приводили к коренной ломке не только психологии отдельных колонистов, но и всего патриархального уклада жизни их обществ в целом.

Во время революции 1905–1907 гг. немецкое население Саратовского Поволжья фактически не принимало участия в аграрном движении, вылившемся в ряде уездов и волостей в столкновения крестьян с правительственными войсками. Поволжские немцы не были революционерами – в этом походили на государственных крестьян, проживавших по соседству. И разительно отличались от бывших помещичьих крестьян, занимавшихся поджогами, грабежами, захватом частных земельных угодий и проч.

Аграрная реформа в немецких селениях Саратовской губернии имела свои специфические особенности. Во-первых, основная волна выхода поселян-собственников из общины пришлась на 1910–1914 гг., в то время как по губернии – на первые три года реформы. Во-вторых, в целом из немецких общин вышло более двух третей домохозяев (71%), в то время как соответствующий общегубернский показатель не достигал и до одной трети (27,9%) (см.: 35, с. 43; 5, с. 227; ср.: 15, с. 21; 23, с. 76; 25, с. 47). В-третьих, в немецких волостях происходило массовое переселение целых

селений на отруба, что не было характерно для губернии в целом. Следует также учитывать, что немецкие земледельцы были лишены финансовой помощи Крестьянского поземельного банка¹. И наконец, переход поселян к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения. Одним из подтверждений слабой эффективности аграрных реформ в немецких волостях явился регулярный отток колонистов (включая жителей уже разверстанных на отруба селений) в Америку.

Отток беднейшего населения немецких волостей – в том числе молодежи, движущей силы любой революции, – за границу, как и сама возможность выезда из России, привели к тому, что в немецких колониях сформировался более мягкий по сравнению с русскими деревнями Поволжья социально-классовый «климат». Эмиграция явилась своеобразным клапаном, через который вырывалось недоловое количество немецких поселенцев имущественным и социальным положением, а также патриархальным характером общины, заимствованной ими от русских соседей.

Перефразируя известное высказывание Наполеона: «Политика – это судьба», – можно утверждать, что экономика стала судьбой поволжских немцев. Восприятие ими отсталой экономической модели землепользования существенно нивелировало к началу XX в. специфические особенности этой группы населения и привело к ее фактической «хозяйственной ассимиляции» или, если угодно, к экономической аккультурации. В результате поволжские немцы вполне могли повторить судьбу российского крестьянства в годы первой революции и столыпинской аграрной реформы. Только положение иноязычного национального меньшинства удержало их от радикального ответа на брошенный модернизацией вызов. Немецкие колонисты фактически уклонились от этого вызова, в том числе в форме эмиграции.

Список литературы

1. Антонов-Саратовский В.П. Красный год. – Ч.1: Отрывки по памяти и документам о событиях 1905 г. в Саратове и Саратовской губернии. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 211 с.
2. Булычев М.В. Социально-экономическое положение немецких селений Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в. // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. – М. 1996. – С. 210–219.
3. Верхняя Добринка Усть-Кулалинской волости // Камышинский вестник. – Камышин, 1906. – 15 янв. – С. 3.

¹ Ср.: РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 120. – Д. 21 [Докладная записка Камышинского уездного предводителя дворянства Михаила Х. Готовицкого председателю Совета министров 17 сентября 1910 г.]. – Л. 9 об.; Там же [30 ноября 1910 г.]. – Л. 24 об. См. также: ГАСО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 8160 [Докладная записка управляющего Саратовским отделением Крестьянского поземельного банка саратовскому губернатору 17 июня 1915 г.]. – Л. 109.

4. Власть и реформы: От самодержавной к советской России / Отв. ред. Б.В. Ананьич. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – 733 с.
5. Воронежцев А.В. Поселяне-собственники Саратовской губернии и столыпинская аграрная реформа // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. – М.: Готика, 1996. – С. 220–231.
6. Геллер М. История Российской империи: В 3 т. – М.: МИК, 1997. – Т. 3. – 304 с.
7. Герасименко Г.А. Противодействие крестьян Саратовской губернии столыпинской аграрной реформе // Поволжский край: Межвуз. науч. сб. – Саратов, 1984. – Вып. 7. – С. 3–28.
8. Голос уезда // Приволжская газета. – Камышин, 1906. – 12 апр. – С. 2.
9. Гохлернер В.М., Харламова К.П. Из истории крестьянских революционных комитетов в Саратовской губернии в 1905 г. // Поволжский край: Межвуз. науч. сб. – Саратов, 1977. – Вып. 5. – С. 89–120.
10. Дённингхаус В. Безземельные [колонисты] // Немцы России: Энциклопедия Die Deutschen Russlands: Enzyklopädie / Под ред. В. Карева. – М.: ЭРН, 1999. – Т. 1. – С. 139–141.
11. Дитц Я. Путевые заметки // Камышинский вестник. – Камышин, 1906. – 2 февр. – С. 2.
12. Дитц Я. Путевые заметки // Приволжская газета. – Камышин, 1906. – 25 февр.
13. Дитц Я. Депутат Я.Е. Дитц в роли обвиняемого и его объяснение // Приволжская газета. – Камышин, 1906. – 6 июня. – С. 3.
14. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов / Под ред. И.Р. Плеве. – М.: Готика, 1997. – 495 с.
15. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. – М.: Наука, 1997. – 55 с.
16. Кабузан В. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989): Формирование этнических и политических границ русского народа. – СПб.: Рус.-балт. инф. центр «Блиц», 1996. – 352 с.
17. Камышинские вести. – Камышин, 1909. – 30 июля. – С. 3.
18. Камышинские вести. – Камышин, 1910. – 4 апр. – С. 3.
19. Малиновский Л. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1995. – 82 с.
20. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. – Саратов; Тип. губ., 1898–1900. – Т. 1. – Вып. 4. – 302 с.
21. Население России в XX веке: Исторические очерки / Под ред. Жиромской В.Б. – М.: РОССПЭН, 2000. – Т. 1. – 463 с.
22. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) / Под ред. И.В. Пороха. – Саратов: СГУ-ИИЦ АО «Заволжье», 1995. – Т. 2 – Ч. 1. – 318 с.; Т. 2. – Ч. 2. – 431 с.
23. Посадский А.В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявления в 1914–1921 гг. (На материалах Саратовского Поволжья): Дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1997. – 222 с.
24. Шацилло К.Ф. Русский либерализм в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века: Сб. ст. – СПб., 1999. – С. 285–296.
25. Шелохаев В.В. Национальные интересы России и конфронтационная борьба между властью и обществом в начале XX века // Проблемы политической и экономической истории России: Сб. ст. – М., 1998. – С. 23–59.
26. Brandes D. Die Rußlanddeutschen und der Staat // Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland / Hrsg. Stricker G. – B., 1997. – S. 101–110.

27. Brandes D. Von den Zaren adoptiert: Die deutschen Kolonisten und die Balkansiedler in Neu-russland und Bessarabien, 1751–1914. – München: R. Olden-Bourg Verlag, 1993. – 549 S.
28. Hilfer M. Die deutschen Kolonien in Rußland und die neueste russische Agrarreform // Deutsche Monatsschrift für Russland. – Riga, 1914. – N 56. – S. 439–444.
29. Janssen S. Vom Zarenreich in den amerikanischen Westen: Russlanddeutsche Immigranten in North Dakota und Nebraska (1870–1928) // Deutsche in Russland / Hrsg. von Hans Rothe. – Köln, 1996. – S. 87–101.
30. Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. – München: Verlag C.H.Beck, 1993. – 395 S.
31. Kloberdanz T.J. Die Auswanderung nach Amerika und ihre Auswirkung auf Identität und Weltanschauung der Wolgadeutschen in Rußland // Zwischen Reform und Revolution: die Deutschen an der Wolga, 1870–1917 / Hrsg. von Dittmar Dahlmann – Ralph Tuchtenhagen. – Essen, 1994. – S. 172–189.
32. Long J.W. From privileged to dispossessed: The Volga Germans, 1860–1917. – Lincoln; London: University of Nebraska Press, 1988. – 337 p.
33. Neutatz D. «Musterwirte»: Zum Selbstbild der Schwarzmeerdeutschen, insbesondere der Mennoniten // Die Rußlanddeutschen in Rußland und Deutschland: Selbstbilder, Fremdbilder, Aspekte der Wirklichkeit / Hrsg. Barbašina E. Detlef Brandes, Dietmar Neutatz. – Essen, 1999. – S. 73–83.
34. Neutatz D. Bäuerliche Lebenswelten des späten Zarenreiches im Vergleich // Gemeinsam getrennt. Bäuerliche Lebenswelten in multiethnischen Regionen des späten Zarenreiches: Am Beispiel des Schwarzmeer- und des Wolgagebietes / Hrsg. Herdt V., Neutatz D. – Lüneburg, 2010. – S. 7–24.
35. Raleigh D.J. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov. – Ithaca (N.Y.): Cornell univ. press, 1986. – 373 p.
36. Rath G. Die Rußlanddeutschen in den Vereinigten Staaten von Nord-Amerika // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, 1963. – S. 22–55.
37. Schippan M., Striegnitz S. Wolgadeutsche: Geschichte und Gegenwart. – B.: Dietz, 1992. – 240 S.
38. Schmidt C. Die Revolution von 1905 in den deutschen Kolonien an der Wolga // Freie Flur. Deutscher Bauernkalender für 1927. – Pokrowsk. – S. 21–22.
39. Schmidt D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. – Teil 1: Seit der Einwanderung bis zum imperialistischen Weltkriege. – Pokrowsk; Moskau: Charkow, 1930. – 386 S.
40. Stojentin M. von. Ein deutscher Stamm auf fremder Erde // Landwirtschaftliche Wochenschrift für Pommern. – Stettin, 1908. – S. 19–31.
41. Stump K. Das Rußlanddeutschtum in Übersee // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – Stuttgart, 1963. – S. 5–21.